

**ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ. 2016–2017 уч. г.
ШКОЛЬНЫЙ ЭТАП. 10 КЛАСС**

1. [30 баллов] ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Прочитайте три высказывания знаменитых писателей о поэзии (словесном искусстве) и живописи, а также три предложения, теоретически объясняющие различие этих двух видов искусства. Ниже представлена картина русского художника – как некое остановившееся мгновение, как пространство, застывшее во времени. Ваша задача – оживить картину с помощью слов, то есть дать описание событий (или процессов, душевых переживаний), происходивших с героем (героями) картины до начала запечатлённого на картине мгновения и после него. Вы можете, кроме описания, при необходимости сочинить диалог (монолог) героев (героя). Обращайте внимание на детали картины. Включите в Ваше повествование также и момент, изображённый на картине.

Дополнительное задание

Найдите и укажите эпизоды (или персонажей) из произведений русской литературы, сходные с изображёнными на картине. Назовите произведение, автора и героев.

Остановись, мгновенье! (И.-В. Гёте)

*Живопись изображает тела и опосредованно при помощи тел движение...
(Г.Э. Лессинг)*

Мне кажется, что описать человека собственно нельзя; но можно описать, как он на меня действовал. (Л.Н. Толстой)

Живопись есть молчащая поэзия, а поэзия – говорящая живопись.

В поэзии – действие как процесс, как развёртывающееся во времени и пространстве событие или лирическое переживание – вот что составляет основу поэтического мира.

Живопись противоположна поэзии, потому что в живописи доминирует не время, а пространство, не действие, а *статуарность*.

Всероссийская олимпиада школьников по литературе 2016–2017 уч. г.
Школьный этап. 10 класс

В.Г. Перов. «Рыболов» (1871)

2. [40 баллов] ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Выберите для аналитической работы ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 300–400 слов.

Дмитрий Владимирович Веневитинов (1805–1827)

СКУЛЬПТУРА, ЖИВОПИСЬ И МУЗЫКА

Откуда слетели вы к нам, божественные девы? не небо ли было вашей колыбелью? и для чего променяли вы жилище красоты и наслаждения на долину желаний и усилий? Ваши пламенные взоры горят огнём неземным. Вы расточаете ласки свои смертным; но черты вашего лица, как бы предназначенному вечной юности, сохранили всю прелесть красоты девственной. Кто вы, небесные, откройтесь. Вы мне уже знакомы; не ваши ли волшебные образы летали предо мною в те счастливые часы, в которые я мечтал о лучшем мире? Не вас ли везде ищет моё воображение?

— Мы сёстры, — отвечала первая богиня, — и все трое царствуем во вселенной; но не нам принадлежит венец бессмертной славы, он будет вечно сиять на главе нашей матери. О смертный! ты часто восхищался этим миром, с восторгом взирал на всё тебя окружающее; мы всё видимое тобою украсили. Я — старшая из сестёр, и меня первую послала мать для того, чтобы оживить вселенную в очах твоих; я указала тебе этот круглый шар, который плывёт в воздухе; я вознесла взоры твои на сие небо, которое, как свод, его обнимает; я рассеяла эти горы с утёсами, которые, как великаны, возвышаются над долинами; мой искусный резец образовал каждое дерево, каждый лист, каждую жемчужину, сокровенную на глубине раковины.

— Прелестно, — воскликнула вторая богиня, — прелестно было произведение сестры моей, когда я слетела с неба; но взор напрасно искал разнообразия на земле бесцветной. Всё было хладно, безжизненно, как те образы, которые представляют серые тучи в день пасмурный. Я взмахнула поясом, и радуги со всех сторон посыпались на землю, ясное светило загорелось в воздухе, по небу разлилась чистая лазурь и море отразило небо; долины и леса оделись зелёным цветом, и я, довольная новым миром, возвратилась к престолу нашей матери.

— Тогда и я слетела на землю, — сказала третья богиня; прелестны были произведения сестёр моих; но я напрасно искала в них жизни; ничто не улыбалось мне в природе, мёртвая тишина царствовала на земле и стесняла мои чувства; я вздохнула, и вздох мой повторился во вселенной; чувство жизни разлилось повсюду; всё огласилось звуками радости, и все эти звуки слились в общую волшебную гармонию.

— С тех пор, — продолжала первая богиня, — с тех пор воздвигнулись три алтаря на земле; я первая встретила смертного и мне первой принёс он дары свои. Он был ещё странником на новой земле; всё поражало его удивлением; всё питало в нём то чувство гордости, которое невольно пробуждает первая

встреча с незнакомым. Где найду я, говорил он, удовлетворение бесконечным моим желаниям, где найду предмет, достойный моих усилий? Я услышала сетования смертного и первая внушила ему смелую мысль похитить у бессмертных огонь, дающий жизнь. Я вручила ему резец, и вскоре мрамор ожился под его руками, и человек окружил себя собственным миром. Они ещё живы, священные памятники его усилий – его славы. Их не коснулась всё истребляющая коса времени. О смертный! стремись туда, где на развалинах столицы мира гений минувшего основал своё владычество и, вызывая из праха протекшие столетия, кажется, посмеивается над настоящим. Вступи в сей храм бессмертный, где герои древности, бледные, как произведения сна, в красноречивом безмолвии возвышаются около стен; вступи в сей храм, когда утренний луч солнца озарит сие величественное сонмище и будет скользить на белом мраморе; тогда ты познаешь моё владычество и присутствие тайного божества поразит тебя благоговением.

– И мне повиновался смертный, – воскликнула вторая богиня, – и я была его спутницей. Когда любовь пролила в сердце его свою очаровательную влагу, напрасно силился он резцом сестры моей изобразить предмет своих желаний. Взор его напрасно искал в очах изображения того же неба, которое таилось под ресницами прекрасной его подруги; напрасно искал краски стыдливости на мёртвых ланитах мрамора; напрасно хотел он окружить образ возлюбленной очарованием бесконечного, к которому стремилась душа его, и в котором являлся ему идеал прекрасной. И что ж? я дала ему кисть, и чувства его вполне вылились на мёртвый холст, и мысль о бесконечном сделалась для него понятною. О смертный! хочешь ли видеть небо на земле? Взгляни на сию картину, – взгляни, когда яркий луч полдня прольёт на неё свет свой, – ты невольно падёшь на колена и тогда познаешь моё владычество.

– Настало и моё царствование, – промолвила последняя богиня. – Случалось ли тебе в безмолвии ночи слышать волшебные звуки, которые тайною силой увлекают душу, тешат её надеждою и заставляют забывать всё окружающее? Это торжество моё. Ты переносишься тогда в новый мир, ты думаешь быть далеко от земли, и ты в самом себе. В тебя вложила я таинственную арфу, которой струны дрожат при каждом впечатлении, и служат как бы дополнением всего, что ты чувствуешь в природе. Не пламенная радость, не улыбка гордости выражают моё владычество; нет! слезы тихого восторга напоминают смертному, что мне покорено его сердце.

– Мой слух прикован к устам вашим, бессмертные богини; но где та, которой вы уготовляете венец славы – где храм, в котором возвышается престол её, из которого она предписывает законы свои вселенной?

– О смертный! весь мир – престол нашей матери. Её изображал и мрамор и холст на земле; её прославляли лиры песнопевцев; но она останется недосягаемою для чувств смертного; наша мать – поэзия; вечность – её слава, вселенная – её изображение.

(1826)

Алексей Васильевич Кольцов (1809–1842)

СТЕНЬКА РАЗИН

Не страшна мне, добру молодцу,
Волга-матушка широкая,
Леса тёмные, дремучие,
Выюги зимние-крещенские...

Уж как было: по темным лесам
Пировал я зимы круглые;
По чужим краям, на свой талан,
Погулял я, поохотился.

А по Волге, моей матушке,
По родимой, по кормилице,
Вместью с братьями за добычью
На край света летал соколом.

Но не Волга, леса тёмные,
Выюги зимние-крещенские
Погубили мою голову,
Сокрушили мочь железную...

В некрещёном, славном городе,
На крутом, высоком острове
Живёт девушка-красавица,
Дочка гостя новгородского...

Она в тереме, что зорюшка,
Под окном сидит растворенным,
Поёт песни задушевные,
Наши братские-отцовские.

«Ах, душа ль моя ты, душенька!
Что сидишь ты? Что ты думаешь?
Али речи мои не по сердцу?
Али батюшка спесивится?..

Не сиди, не плачь; ты кинь отца;
Ты беги ко мне из терема;
Мы с тобою, птицы вольные,
Жить поедем в Москву красную».

(1838)

Максимальный балл за все выполненные задания – 70.